

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2022-20-3-124>

УДК 82

МОТИВ СИРОТСТВА В РОМАНАХ Л. УЛИЦКОЙ: СЛУЧАЙ ШУРИКА КОРНА И МИХЕЯ МЕЛАМИДА

А.И. Гонтарева (Красноярск, Россия)

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению *проблемы* сиротства в современной русской литературе на материале романов Л.Е. Улицкой «Искренне ваш Шурик» и «Зеленый шатер». Актуальность исследования определяется повышенным читательским интересом к произведениям писательницы.

Цель исследования – на основании изучения творчества Л. Улицкой раскрыть этические и духовные аспекты проблемы сиротства в литературе нового сентиментализма. Предпринимается попытка выявить способы реализации образа сироты, обозначить справедливое выделение его в особый тип героя. Достижение цели способствует наиболее полному пониманию смыслов, заложенных в идейно-художественную основу произведений.

Методы исследования. Для исследования темы сиротства, представленной в произведениях Л. Улицкой, автором статьи применяются сравнительно-сопоставительный, структурно-типологический и герменевтический методы изучения имеющихся источников по данной проблеме. Также использован метод литературоведческого анализа основных образов и идей исследуемых романов.

Результаты. Изучение центральных образов в исследуемых романах позволяет автору статьи реконструировать определенную философскую картину мира, послужившую основой создания типа героя-сироты. В статье отмечено, что главный герой должен столкнуться с трудностями, итогом преодоления которых станет либо достижение психологического взросления сироты, либо невозможность его существования. В целом обнаруживается глубинная связь темы сиротства в творчестве Л. Улицкой с масштабными социальными надломами рубежа XX–XXI вв.

Ключевые слова: Людмила Улицкая, мотив сиротства, сирота, Шурик Корн, Михай Меламид, проза, неосентиментализм, современная русская литература.

Постановка проблемы. Сиротство является неотъемлемой частью человеческой цивилизации. В связи с этим мотив сиротства как устойчивая семантическая единица остается востребованным в литературных произведениях всех времен – начиная с устного народного творчества и заканчивая текстами Новейшего времени. Е.А. Яблоков отмечает: «Сирота для писателя – метафора человека вообще, не знающего связи с мировым Целым и держащего свою жизнь в своих руках. Но одиночество, сиротство – это и важнейший стимул к душевному творчеству, к восстановлению некогда оборванных связей» [Яблоков, 1990, с. 64].

В.И. Даль в Толковом словаре определяет слово «сирота» следующим образом: «У кого нет отца либо матери, или нет обоих, это круглый сирота».

В словарной статье лексикограф показывает, что в народной среде понятие «сирота» имеет широкое применение и может обозначать также человека: 1) не знающего своего рода (*Безродный сирота, без близкой родни*); 2) потерявшего отца-кормильца (*На кого ты сирот покидаешь! плач по муже*); 3) оставшегося вдовцом(-ой) (*Без мужа жена всегда сирота*); 4) на службе (*Солдатчина сиротит, ровно смерть*); 5) прикидывающегося бедняком (*Казанский сирота*). Сиротство может проявляться также в отсутствии пригляда за тем, что составляет основу человеческого существования: 1) дома (*Без хозяина дом сирота*); 2) земли (*За ремеслом ходить – землю сиротить*); 3) товара (*Без хозяина товар плачет (товар сирота)*) [Даль, 1955, с. 188]. Исследователь Ф.Ф. Фархутдинова подчеркивает: «Сиротство – это одиночество, бесприютность, незащитность. Сиротой незащитным может почувствовать себя даже взрослый и сильный человек: Без коня казак кругом сирота!» [Фархутдинова, 2015, с. 141].

Мотив сиротства в литературе неосентиментализма¹ получает активное развитие, потому как «субъективная жизнь отдельного человека в сентиментально-реалистической прозе оказывается важнее исторических событий, жизнь духа доминирует над жизнью социума» [Лю На, 2009, с. 10]. Сентиментальность здесь становится средством проявления свободы как способности человека противостоять давлению общества. Неосентиментализм пытается реконструировать новую реальность из осколков постмодернистской деконструкции, поэтому становится востребованным в условиях «переломной эпохи», о которой Н.Л. Лейдерман пишет как о периоде, когда актуализируется необходимость заполнения образовавшейся пустоты новыми смыслами [Лейдерман, 2002]. Новые смыслы находят уже не в антиномии хаоса-космоса, не в мире симулякров, но в обыденной жизни человека, с его переживаниями, эмоциями, стремлениями. Напомним, что еще М.М. Бахтин подчеркивал «экстерриториальность человека сентиментализма... вне мира сего, вне жизненной колеи» [Бахтин, 1997, с. 304]. Так, актуальным героем нового сентиментализма становится современный вариант «маленького человека», овеянного авторским сочувствием, с пристальным вниманием к изнанке его жизни.

Цель исследования – на основании изучения творчества Л. Улицкой раскрыть этические и духовные аспекты проблемы сиротства в литературе нового сентиментализма. Предпринимается попытка выявить способы реализации образа сироты, обозначить справедливое выделение его в особый тип героя. Достижение цели способствует наиболее полному пониманию смыслов, заложенных в идейно-художественную основу произведений.

Методы исследования. Для исследования темы сиротства, представленной в произведениях Л. Улицкой, автором статьи применяются сравнительно-

¹ Неосентиментализм (новый сентиментализм) – это течение в актуальной отечественной литературе, зародившееся в середине 1900-х гг. как социокультурная оппозиция ведущих художественных тенденций постмодернизма [Букал, Гонtareва, 2019, с. 37].

сопоставительный, структурно-типологический и герменевтический методы изучения имеющихся источников по данной проблеме. Также использован метод литературоведческого анализа основных образов и идей исследуемых романов.

Результаты исследования. Одним из ярких представителей неосентиментализма признается Людмила Улицкая. С момента выхода в свет повести «Сонечка» (1992) ее стали называть «генератором сентиментального». Это обусловлено позицией автора, который ведет с читателем диалог, акцентированный на понимании «внутреннего человека» [Бахтин, 1997, с. 304]. Выбор мотивной структуры и героев также подчинен этой задаче. В прозе Людмилы Евгеньевны образы сирот появляются почти в каждом произведении. В одном из интервью писательница призналась: «...меня занимает не советский человек, а, как правило, люди, которые оказались вне нашего общества. Больные, старики, инвалиды, сумасшедшие» [Улицкая, 1995, с. 3].

Реализация мотива сиротства, конструирование особого типа героя, его изменение в разных периодах творчества автора интересуют нас в данной работе. Для анализа были выбраны романы, которые представляются нам наиболее репрезентативными: «Искренне ваш Шурик» (2004) и «Зеленый шатер» (2011). В процессе осмысления проблемы сиротства, обнаруженной в художественной действительности Л.Е. Улицкой, показана особенность воссоздания писательницей реальности, в которой находится ее персонаж. Изучение знаковых образов в выбранных текстах позволяет реконструировать определенную философскую картину мира, послужившую основой создания типа героя-сироты. Перед читателями предстает два варианта столкновения общества и сентиментального героя.

Произведение «Искренне ваш Шурик» исследователи относят к раннему периоду творчества Л. Улицкой. Главный герой романа – Александр Корн, или Шурик, чувствительный, искренний персонаж, остающийся одиноким вплоть до финала произведения. Одиночество героя в жизни сродни *сиротству*, на которое он обречен с рождения: мальчик появляется на свет после гибели отца и воспитывается мамой и бабушкой [Гонтарева, 2019, с. 18].

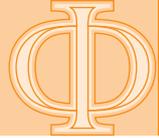
Стоит отметить, что в повествовательной канве романа признаками сиротства отмечены практически все персонажи, окружающие главного героя: Вера Александровна, Лиля, Матильда, Валерия Адамовна, Аля, Мурзик, Света, даже Елизавета Ивановна и т.д. Так, имплицитно явленная в творчестве Л. Улицкой мысль о единстве мира позволяет обозначить сиротство как нарушение его онтологической целостности, что логично в условиях «переломной эпохи» рубежа XX–XXI вв. (Н.Л. Лейдерман). «К сиротству русский человек относится с жалостью, пониманием и сочувствием...» [Фархутдинова, 2015, с. 140]. Поэтому логично, что *жалость* и становится *основным чувством мужчины к женщине*, с точки зрения Шурика.

Для избранных героев Л. Улицкая тщательно выбирает имена. Александр – с лат. «защитник людей» – в тексте именуется просто Шуриком. Автор транс-

лирует кинематографические коды, отсылающие нас к образам кинокартин Леонида Гайдая («Операция Ы и другие приключения Шурика»), которые настраивают читателя на юмористический сюжет. Помимо прочего, художественным текстам писательницы свойственна интертекстуальность. Сама Л. Улицкая в интервью и эссе не раз ссылалась на опыт прочтения произведений Б. Пастернака и В. Набокова, которые повлияли на ее авторское амплуа. Ряд исследователей наглядно показывают эту связь, в частности, роман «Искренне ваш Шурик» Н.В. Ковтун соотносит с новеллой В. Набокова «Ultima Thule»: «The main characters, like Falter, are described as from Gorgon's head. Their fates also remind a move from the truth to truth which impress by their ordinary or even absurdity» [Kovtun, Razumovskaya, 2017, p. 132]. Приметы истины автор находит в особенностях частной жизни, вне жестокой истории, только изнутри человека постигается картина Вселенной.

Главный герой романа становится «стержнем мира», основой сохранения бытия, ибо «мужское» традиционно соотносится с Логосом: *Мужская жизнь была для них загадка, даже священная тайна, и обе они ждали с нетерпением, как в один прекрасный день их Шурик станет вдруг взрослым Корном <...> с властью над глупым окружающим миром, в котором все постоянно ломалось <...> и только мужской рукой могло быть починено, преодолено, а то и создано заново* [Улицкая, 2008, с. 29]. Шурику, как и героине романа «Медея и ее дети» (1996) Медее, свойственна языковая чуткость. Он понимает первоначальный смысл слов, что изображено в эпизоде отпевания Валерии Адамовны польскими священнослужителями: *Смысл слов, действительно, открылся – Господь освободил от смерти. Непонятно было, как именно он освободил, но Шурик яснейшим образом понял, что смерть существует только для живых, а для мертвых, перешагнувших этот порог, ее уже нет* [Улицкая, 2008, с. 509]. В текстах эпохи Просвещения древнегреческий и латинский воспринимаются как языки посвященных. Именно после похорон герой задумывается о смысле бытия: *Да и что такое «собственная жизнь»? Чего-то хочется, достигать... Сам же он ровным счетом ничего не достиг. А хотел чего-нибудь? Нет, и не хотел!..* [Улицкая, 2008, с. 526].

Александр Корн существует в постоянном движении, его образ сродни фигуре странствующего Одиссея, которому Л. Улицкая посвятила отдельную главу «Одиссей» в автобиографической книге «Священный мусор»: «Вслед за Гомером Одиссея полюбило и все человечество: он и герой – множество подвигов; и путешественник – сколько островов, сколько стран, даже до иного мира добрался; и беспроегрышный оболститель!» [Улицкая, 2018, с. 50]. Портретное сходство с гомеровским любимцем просматривается в образе Корна. Он также находится в постоянном поиске *земли обетованной*: многочисленные женщины в жизни персонажа выступают как символы новых земель, которые ждут своего защитника [Гонтарева, 2019, с. 19]. Шурик, обладая исключительной чуткостью,

улавливает тени Истины в повседневности: *...Шурику казалось, что за любым объяснением остается неразгаданная тайна личных отношений между вещами. Того и гляди выпадет в осадок философский камень или какая-нибудь другая алхимическая мечта средневековья* [Улицкая, 2008, с. 81]. В излюбленной манере писательница иронизирует, действительно ли он находится в поиске: *Все прочее было ущербным, ложным, суетным. Глупая беготня жизни: из аптеки на рынок, из прачечной в редакции, глупые переводы, глупая служба одиноким женщинам* [Улицкая, 2008, с. 560]. Приглашая читателя к сотворчеству, автор не дает однозначной оценки действиям героя, а передает эти полномочия самому реципиенту. Ответ на поставленный вопрос у каждого свой.

Образы женщин в романе цитатны, смысл их становится понятен только в момент встречи с Шуриком, когда он пытается всем помочь: *А от жалости ко всему этому бедному, женскому, у него самого внутри что-то твердело. Он давно уже догадывался, что это и есть главное чувство мужчины к женщине – жалость* [Улицкая, 2008, с. 136]. Чувство сострадания, которое испытывает герой к окружающим, перерастает в переживание «общемужского долга», таким образом, что взаимодействие с ними становится миссией, в которой Шурик действует *по поручению* свыше [Улицкая, 2008, с. 206]. Даже в полуобморочном состоянии, болея ветрянкой, герой не перестает думать о своих «подопечных»: *И ему представлялось, как все они его обступают, узнаваемые, но немного искаженные, как в слегка кривом зеркале <...> и такая жалость его охватила, что он просто потонул в ней... <...> Бедные женщины... Ужасно бедные женщины...* [Улицкая, 2008, с. 409]. Важнейшая установка для героя сентиментализма, которую М.М. Бахтин определил как «я существую для другого» [Бахтин, 1997, с. 304], претерпевает, таким образом, ироническое переосмысление на уровне авторской герменевтики Л. Улицкой.

В структуре второстепенных персонажей, окружающих Шурика, особенно выделяется Лилия Ласкина – его первая любовь. Именно с этим образом в романе связано открытие Женственности. Подобно Лолите В. Набокова, Лилия напоминает бабочку, выпархивающую из кокона, и символизирует рождение истины, сокрытой в красоте [Гонтарева, 2019, с. 20]. Тени этой женственности Шурик позже ищет и в других персонажах: *И Аля выжидательно смотрит на него подведенными японскими глазами, и он готов, вполне готов потрудиться, чтобы выпустить из плохонькой Алиной оболочки чудесную Лилию* [Улицкая, 2008, с. 133]. Ускользящий образ Лили, как и набоковской Лолиты, ее марионеточный характер не раз подчеркивается в тексте: *крутила стриженной, плюшевой на ощупь головой, как заводная игрушка, маленькое существо, лохмы неопрятного меха, игрушечные, как у плюшевого зверька, глазки, как Филипок* [Улицкая, 2008, с. 57–58].

Разлука влюбленных происходит одновременно со смертью Елизаветы Ивановны, бабушки героя. В этот момент Шурик вновь становится сиротой, мотив

сиротства глобализируется: *И тут Шурик понял, что он потерял гораздо больше, чем университет, он потерял эту Лилю, потерял все* [Улицкая, 2008, с. 68]. В сознании персонажа похороны одного близкого человека и эмиграция другого настолько тесно переплетаются, что возникает чувство, что они удалились в одном направлении [Улицкая, 2008, с. 136], а редкие письма из-за границы воспринимаются как *с того света*. Яркой деталью становится и то, что при встрече после эмиграции герой не сразу узнает Лилю, она обростает для него коконом: *Перед ним стояла маленькая чужая женщина, очень загорелая, с длинными и пышными почти африканскими волосами. Она улыбнулась мартышечьей улыбкой, и из нее, как бабочка из куколки, выпорхнула Лилька, и чужая женщина в то же мгновение перестала существовать* [Улицкая, 2008, с. 548]. Мир, который казался молодым людям волшебным в период университетской юности, теперь не восхищает ее. С точки зрения Лили, все вокруг стало театром абсурда, по кулисам которого ее водит Шурик-демиург: *Слушай, это всегда так было или только сегодня началось? – Что началось? – не понял Шурик. – Театр абсурда, вот что* [Улицкая, 2008, с. 558]. Драматичной становится концовка романа, в момент расставания девушка выносит Шурику нелестный вердикт: *трогательный, ужасно нежный и совершенно асексуальный, старомодный, постарел, растолстел, ветхость и пыль*. Но при этом и наделяет бывшего избранника чертами святости: *Интересно, есть ли у Шурика какая-то личная жизнь. Не похоже. С трудом могу себе представить. Но вообще-то в нем есть что-то особенное – он как будто немного святой. Но полный мудака <...> Бедный Шурик* [Улицкая, 2008, с. 574]. Однако автор не ставит точку в исканиях героя-сироты, открытый финал романа становится жизнеутверждающей нотой повествования.

Несмотря на большое количество дискуссионных трактовок фигуры Александра Корна в литературоведении и критике, мы наблюдаем факт того, что именно главный герой романа способен к глубинной рефлексии: *<...> я чувствую себя поездом, который прицепили к чужому паровозу, и он летит со страшной скоростью, но сам не знает куда* [Улицкая, 2008, с. 381]. Именно он являет в художественной действительности Л. Улицкой силу духа, нивелируя внутреннее одиночество, может сочувствовать «ближнему». Поиск истины происходит в жизни Шурика сам собой, важное отыскивается в обыденном. Заполняя свою духовную пустоту, он дарит поддержку и защиту «бедным женщинам», «сиротам», предлагая *самые чистые отношения: никакой корысти <...> одна только радость тела* [Улицкая, 2008, с. 184]. Блуждая в поисках красоты, Шурик становится опорой, на которой держится хрупкое мироздание, по мысли автора.

В более позднем произведении «Зеленый шатер» (2011) читатель обнаруживает иной вариант разрешения конфликта сентиментального героя и социума. По мнению ряда исследователей, данный текст ознаменовал собой эволюцию творческого метода Л. Улицкой: «Роман охватывает не судьбу одной личности, а целую эпоху “от Иосифа до Иосифа” (1951–1990 гг.) и, как следствие, представляет

читателю целый калейдоскоп героев и их судеб» [Гонтарева, 2022, с. 80]. Центральным камертоном текста становится мотив сиротства, который подвергается трансформации, глобализируется. Экзистенциальное одиночество ощущают не только главные персонажи романа, но все население страны, что иронически обыгрывается автором в названии главы «Все сироты». Рефлексия Л. Улицкой на факты общественной истории становится средством художественного осмысления философских проблем жизни, смерти, судьбы. На фоне глобальных социальных надломов XX столетия вновь актуализируется появление героя-сироты в романе – Михея Меламида.

Главный герой обладает особым даром сострадания: спасая котенка, он становится связующим звеном в компании, которая позже получит название «Трианон». На сиротство герой, отец которого погиб на войне, обречен с раннего детства: *Миха, обживавший новую – третью по счету – родственную семью за последние семь лет, сообщил этим почти незнакомым мальчишкам, что родственники уже кончаются, и если эта тетка его у себя держать не станет, то придется опять в детский дом идти...* [Улицкая, 2011, с. 14]. Семейей для него становятся часто болеющая тетя Геня и ее дочь-инвалид. Мотив обретения семьи здесь травестируется, потому как все обязанности по дому взваливаются на плечи племянника-сироты, а опыт близости с сестрой-инвалидом становится пожизненной раной в сердце героя, именно тогда он задумается о самоубийстве впервые: *Он просто умирал от чувства вины и отвращения, мысль о самоубийстве постоянно жила на задворках его сознания* [Там же, с. 160].

Л. Улицкая часто обращается к узнаваемым именам в своих произведениях. Так и в романе «Зеленый шатер» фамилия главного героя (Мелаמיד) отсылает читателя к реальной исторической фигуре – Александру Меламиду, московскому художнику, одному из основателей культурного направления XX в. «соц-арт». Ряд исследователей отмечают, что Комар и Мелаמיד не просто «шагнули в сторону антисоветского искусства», но «деконструировали язык власти», возвращая официальному искусству «человеческое измерение» [Русланова, 2011, с. 83]. Становится понятным, почему именно Миха является объектом наибольшего раздражения у «мутюг и мурыг», «вождей класса». Не столько потому как был *невысокого роста, рыжий, к тому же еврей*, сколько по «идеологическим соображениям». Благодаря детдомовскому опыту, герой *легко переносил школьные побои, никогда не жаловался, встряхивался, подбирал шапку и улепетывал под улюлюканье врагов* [Улицкая, 2011, с. 17]. Примечательно, что коньки Михи становятся косвенной причиной смерти одного из вождей-обидчиков, Мурыгина, попавшего под рельсы трамвая. Этот эпизод наложит трагический отпечаток на всю дальнейшую жизнь персонажа: *Жалость огромного размера, превышающая Михину голову, и сердце, и все тело, накрыла его, и это была жалость ко всем людям, и плохим, и хорошим, просто потому, что все они беззащитно-мягкие, хрупкие, и у всех от соприкосновения*

с бессмысленной железкой мгновенно ломаются кости, разбивается голова, вытекает кровь, и остается одна лишь безобразная куча. Бедный, бедный Мuryгин! [Улицкая, 2011, с. 37]. Аналогичное чувство Миша переживает по случаю смерти Иосифа Сталина. При всей симпатии автора к своему сентиментальному герою становится очевидной открытая ирония. Стихотворения, отражающие искреннее потрясение, вызывают комический эффект. Жалость, как в случае Шурика Корна, становится доминантой характера Миши: *Он был одарен такой душевной отзывчивостью, такой безразмерной, совершенно эластичной способностью к состраданию, что все прочие его качества оказывались в подчинении этой всемирной жалости* [Улицкая, 2011, с. 581].

Меламиду, как и Шурику, легко дается изучение иностранных языков: *Анна Александровна подарила Мише старый английский учебник для начинающих. – Учи, Миша, при твоих способностях сам все одолеешь. Я дам тебе несколько уроков, чтоб произношение поставит* [Улицкая, 2011, с. 28]. Он страстно увлечен литературой, которая становится для него *побегом от удручающей тети Гени с ее мелочным существованием и полетом в поднебесные выси, где обитали благородные мужчины и прекрасные дамы* [Улицкая, 2011, с. 77], и даже решает поступать на филологический факультет. Однако позже он «изменит» своей вере в русскую литературу, посещая курс сурдопедагогики Якова Ринка. Это увлечение методами развития речи у глухонемых и станет любимым делом героя [Улицкая, 2011, с. 415].

Отличаясь от других исключительной миролюбивостью, будучи заметно *рыжим* [Улицкая, 2011, с. 416], Миша пользовался успехом у девочек, ни одна студенческая вечеринка без него не обходилась. Однако все меняется, когда он встречает Алену, девушку с лицом *что Боттичелли любил* [Улицкая, 2011, с. 417] и отстраненностью от окружающего мира. В отличие от Шурика, у героя «Зеленого шатра» получилось отказаться от прежней жизни с *необязательными свиданиями и деятельными ночами* [Улицкая, 2011, с. 414], полюбить Алену, их дочь, родственников и даже дом жены. Образ Алены соотнесен в романе с образом воды, ее стихия непостоянна: в университете она *надменна*, дома *тиха и мила* и вмещает в себя *всю женскую прелесть* мира. В отношениях с Михой важно было, чтобы она была настроена на его *волну*, что становилось очевидным своеобразному сигналу – *накрашенным ресницам*. В тексте постоянно подчеркивается ее ускользающий характер: ее волосы *скользили по плечу*, сама она *ускользала* от неудобных вопросов избранника [Улицкая, 2011, с. 424]. Отец Алены, Сергей Борисович, имеющий талант прояснять чужое высказывание *обмакивая в воду*, становится для героя реквиемом неизжитых страданий *безотцовщины* [Улицкая, 2011, с. 426]. Эти же переживания Меламид старается смягчить и работой в интернате для глухонемых детей, которым, так же как и ему, не хватает отца: *Тогда он впадал целиком в работу, глухие дети заполняли его жизнь до отказа, почти не оставляя времени, чтобы тосковать* [Улицкая, 2011, с. 426].

Обладея добрым и отзывчивым сердцем, Михей видит смысл жизни в служении людям, даже во взрослой жизни сохраняет свою «детскость» и наивность. Указанные аспекты усиливают эффект сиротства, безотцовщины героя, становятся результатом нарушения потомственной связи с предками, а значит, и онтологической основы личности. Именно простодушие, жертвенность становятся губительными для героя: он теряет любимую работу в интернате и место в аспирантуре, позже его арестовывают за содействие крымским татарам, повторно арестовывают за взаимодействие с иностранным корреспондентом, он теряет семью. Сирота Л. Улицкой способен на самоотречение: не думая о себе, постоянно спасает кого-то, ставя под угрозу собственную жизнь.

Герою-сироте свойственен дух эскапизма, деньги, заработанные нечестным трудом (распространением запрещенной литературы), жгут руку. Поэтому при первой же возможности он меняет вектор своей деятельности, участвует в издании просветительского журнала: *Участвовать в издании журнала, открывающего глаза и уши темному человечеству, Миха был готов* [Улицкая, 2011, с. 451]. Более того, герой воспринимает свою новую деятельность как миссию, полученную свыше, а потому отдается ей полностью, без остатка: *Ему мнилось, что он в своих руках держит судьбу всей дальнейшей поэзии, как будто кто-то дал ему задание свыше – сохранить для будущего то ценное, что живет по случайности, по недосмотру властей* [Улицкая, 2011, с. 473]. После провала этой задачи, уходя на этап, он ощущает неподъемную вину перед всем человечеством и говорит жене *глупость в духе Достоевского: Пред всеми людьми за всех и за вся виноват...* [Улицкая, 2011, с. 481].

Герой Л. Улицкой, несмотря на свою детскость, критично относится к себе, осознает свою несостоятельность: *Детские, детские стихи. Скоро 34 года. И все еще детские стихи. И взрослых уже не будет никогда. Потому что я так и не вырос* [Улицкая, 2011, с. 540]. По-настоящему спокойно ему становится только рядом с Анной Александровной, бабушкой Сани Стеклова, потому что она по-прежнему взрослая, а сам он по-прежнему ребенок [Улицкая, 2011, с. 493]. Ее смерть становится трагическим приговором и для самого Меламида: *У тебя мама живая, а у меня теперь никого. Анна Александровна была мне всей родней, вместе взятой. Я только сейчас это понял. Она ушла, и я на первой линии* [Улицкая, 2011, с. 500]. Единственным способом пройти обряд инициации и стать, наконец, взрослым становится для Михи самоубийство: *...настало время, когда я могу совершить первый раз в жизни поступок взрослого человека. Освободиться от собственной нелепости, несостоятельности. Какой простой и верный выход* [Улицкая, 2011, с. 541]. Выход в окно – интертекстуальная игра автора, прямая отсылка к известному герою романа В. Набокова Лужину. Символичен и возраст героя, так же как Шурику, Михе 33 года (возраст Христа): *Иисус совершил поступок, подтвердивший его абсолютную взрослость: он добровольно отдал свою жизнь ...* [Там же].

Вывод, к которому приходит персонаж, по-своему интерпретируя библейский сюжет: *Распоряжаться собой – это и значит быть взрослым* [Там же]. Сцена прощания с героем-сиротой решена в излюбленной манере автора – как в «Веселых похоронах» над Аликом, в «Зеленом шатре» над Михеем происходит объединение представителей всех народов и конфессий. С поэтом приходят проститься, в противовес похоронам Антонины Наумовны, многочисленные друзья и знакомые Меламида, «верующие друзья» по всему свету отдают дань умершему: *В Ташкенте его почтили татары, отслужили заупокойную службу по мусульманскому обряду. В Иерусалиме единоверцы Марлена заказали кадиш, и десять евреев прочитали на иврите непонятные слова, а в Москве Тамара, Олина подруга, заказала панихиду в Преображенском храме, где служил вольнодумный священник, осмелившийся отпевать самоубийцу* [Улицкая, 2011, с. 542].

Заключение. Предложенная интерпретация романов Л. Улицкой позволяет сделать следующие выводы. Если пафос сострадания сироте Шурику в раннем творчестве Улицкой связан с жизнеутверждающим началом (повествование обрывается на 33 годах жизни), то в зрелом творчестве сирота Михей не выдерживает борьбы с жизненными трудностями, духовное развитие главного героя заходит в тупик, из которого он находит единственно возможный выход – смерть. Таким образом, в творчестве Л. Улицкой через акцентирование мотива сиротства произошло возникновение особого типа героя. На материале анализа романов «Искренне ваш Шурик» и «Зеленый шатер» устанавливается типологическое сходство персонажей – как на мотивном, так и на сюжетном уровнях. Выразительным сюжетным ходом, объединяющим центральных персонажей в тип героя-сироты, можно считать прохождение своеобразных испытаний. Каждый должен на определенном этапе жизни столкнуться с трудностями, успех преодоления которых станет итогом: достижение психологического взросления сироты или невозможности его существования. В целом обнаружена глубинная связь актуализации темы сиротства в творчестве Л. Улицкой с масштабными социальными надломами рубежа XX–XXI вв.

Библиографический список

1. Бахтин М.М. Проблемы сентиментализма // Бахтин М. М. Собрание сочинений: в 7 т. М.: Русские словари, 1997. Т. 5. 730 с.
2. Букал И.С., Гонtareва А.И. Новый сентиментализм: случай Л.Е. Улицкой // Сибирский филологический форум. 2019. № 3 (7). С. 36–45.
3. Булгаков С.Н. Сочинения: в 2 т. СПб.: Инапресс, 1999. Т. 2: Философия имени. Икона и иконопочитание. 330 с.
4. Гонtareва А.И. «Интеллигентские кухни» в романе Л.Е. Улицкой «Зеленый шатер»: творчество как стимул бытия // Сибирский филологический форум. 2022. № 1 (18). С. 79–88.
5. Гонtareва А.И. Образ «сироты духа» в романе Л. Улицкой «Искренне ваш Шурик» // Актуальные проблемы современной филологии: матер. IX Междунар. науч.-практ. конф. Красноярск. 2019. С. 18–22.
6. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 1955. Т. 4. 683 с.

7. Ковтун Н.В. Игра как способ миропостижения в повести Л.Е. Улицкой «Веселые похороны» // Русская литература. 2013. № 1. С. 210–217.
8. Лейдерман Н.Л. Траектории «экспериментирующей эпохи» // Вопросы литературы. 2002. № 4. URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2002/4/lei.html> (дата обращения: 20.06.2022).
9. Лю На. Художественное своеобразие малой прозы Людмилы Улицкой: на материале сборника «Люди нашего царя»: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Тамбов, 2009. 179 с.
10. Русланова И.С. К вопросу об интерпретации произведений соц-арта (на примере творчества В. Комара и А. Меламида) // Культурная жизнь Юга России. 2011. № 2 (40). С. 81–93.
11. Улицкая Л. Зеленый шатер: роман. М.: Эксмо, 2011. 592 с.
12. Улицкая Л. Искренне ваш Шурик: роман. М.: Эксмо, 2008. 576 с.
13. Улицкая Л. «Мне интересна жизнь “серых” людей...» [записала М. Рюрикова] // Литературная газета. 1995. № 38.
14. Улицкая Л. Священный мусор: поднимаясь по лестнице Якова: рассказы, эссе, интервью. М.: Изд-во АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2018. 574 с.
15. Фархутдинова Ф.Ф. Сироты и сиротство в изображении В.И. Даля // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2015. № 1. С. 140–144.
16. Яблоков Е.А. Художественная философия природы: Творчество М. Пришвина и А. Платонова 20-х – начала 30-х годов // Советская литература в прошлом и настоящем. М.: Изд-во МГУ, 1990. С. 55–71.
17. Kovtun N., Razumovskaya V. Nabokov's code in the early works by L. Ulitskaya: literary criticism and translation aspects // International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts / SGEM. Vienna, 2017. P. 132–145.

Сведения об авторе

Гонтарева Альбина Игоревна – аспирант кафедры мировой литературы и методики ее преподавания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: albka_kaza@mail.ru

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2022-20-3-124>

ORPHANHOOD MOTIF IN NOVELS BY L. ULYTSKAYA: THE CASE OF SHURIK KORN AND MICHEY MELAMID

A.I. Gontareva (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The article is devoted to consideration of a problem of orphanhood in the modern Russian literature on the basis of L.E. Ulitskaya's novels "Sincerely Yours, Shurik" and "The Big Green Tent". The relevance of the study is determined by the increased interest to the work of the writer.

The aim of the study is to reveal ethical and spiritual aspects of the problem of orphanhood in the literature of new sentimentalism through the prism of Ulitskaya's works. An attempt is made to identify ways of realizing the image of an orphan, to denote a fair allocation of it in a special type of hero. Achieving the goal helps to identify intertextual connections and meanings that constitute the ideological and artistic basis of the works.

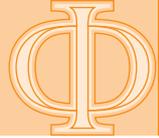
The methodology of the study was comparative, structural-typological and hermeneutical approaches, as well as the method of literary analysis of the novels under study.

Research results. The study of the central images in the selected novels allows the author of the article to reconstruct a certain philosophical picture of the world, which served as the basis for the creation of the type of an orphan hero. The article notes that the main character must face difficulties, the result of overcoming which will be either the achievement of psychological maturation of the orphan or the impossibility of his existence. In general, there is a profound connection between the theme of orphanhood in the works of L. Ulitskaya and large-scale social breakdowns at turn of 21st century.

Keywords: *Lyudmila Ulitskaya, orphanhood motif, orphan, Shurik Korn, Micah Melamid, prose, neo-sentimentalism, modern Russian literature.*

References

1. Bakhtin M.M. Problems of Sentimentalism // Collected Works: in 7 vols. Moscow: Russian Dictionaries. 1997. Vol. 5. 730 p.
2. Bukal I.S., Gontareva A.I. New sentimentalism: the case of L.E. Ulitskaya // Siberian Philological Forum. 2019. No. 3 (7). P. 36–45.
3. Bulgakov S.N. Essays in 2 vol. St. Petersburg: Inapress, 1999. Vol. 2: Philosophy of Name. Icon and Iconoclasm. 330 p.
4. Gontareva A.I. "Intellectual's kitchens" in L.E. Ulitskaya's novel "The Big Green Tent": creativity as a stimulus of being // Siberian Philological Forum. 2022. No. 1 (18). P. 79–88.
5. Gontareva A.I. The image of the "orphan of spirit" in the novel by L. Ulitskaya "Sincerely yours, Shurik" // Actual problems of modern philology: proceedings of IX international scientific-practical conference. Krasnoyarsk, 2019. P. 18–22.
6. Dahl V.I. The Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: in 4 vol. Moscow, 1955. Vol. 4. 683 p.
7. Kovtun N.V. Game as a way of outlook in the story of L.E. Ulitskaya "The Funeral Party" // Russian Literature. 2013. No. 1. P. 210–217.
8. Leyderman N.L. Trajectories of the «experimenting epoch» // Voprosy literatury. 2002. No. 4. URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2002/4/lei.html> (access date: 20.06.2022).

9. Liu Na. Artistic originality of the short prose of Lyudmila Ulitskaya: on the material of the collection "People of our Tsar": dis. ... cand. of philological sciences: 10.01.01. Tambov, 2009. 179 p.
10. Ruslanova I.S. To a Question of Interpretation of Works of Sots-art (by Example of Art of V. Komar and A. Melamid) // Cultural Life of the South of Russia. 2011. No. 2 (40). P. 81–93.
11. Ulitskaya L. Green tent: a novel. Moscow: Eksmo Publishers, 2011. 592 p.
12. Ulitskaya L. Sincerely yours Shurik: a novel. Moscow: Eksmo Publishers, 2008. 576 p.
13. Ulitskaya L. "I am interested in the life of "gray" people..." [recorded by M. Rurikova] // Literaturnaya Gazeta. 1995. No. 38. P. 3.
14. Ulitskaya L. Sacred trash: climbing Jacob's ladder: stories, essays, interviews. Moscow: Publishing house AST: Edited by Elena Shubina, 2018. 574 p.
15. Farhutdinova F.F. Orphans and orphanhood in the portrayal of V.I. Dahl // Bulletin of N.A. Nekrasov KSU. 2015. No. 1. P. 140–144.
16. Yablokov E.A. Artistic philosophy of nature: Creativity of M. Prishvin and A. Platonov 20-ies – early 30-ies // Soviet literature in the past and present. Moscow: Moscow State University Press, 1990. P. 55–71.
17. Kovtun N., Razumovskaya V. Nabokov's code in the early works by L. Ulitskaya: literary criticism and translation aspects // International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts / SGEM. Vienna, 2017. P. 132–145.

About the author

Gontareva Albina Igorevna – PhD Candidate, Department of World Literature and Methods of Its Teaching, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: albka_kaza@mail.ru